

Крысолов

Послушай, Крысолов, зачем ты снова в Гамельн?
Тут крысы не живут с тех самых дней лихих,
И тут тебя не ждут, но и не бросят камень
В тебя за все твои и не твои грехи.

Изношен твой кафтан и стоптаны ботинки,
И дудочка твоя срывается на хрип;
В глазах твоих судьбы нетающие льдинки,
В кармане — медный грош, в котомке — сухари...

Что ты пришёл узнать (а может быть, поведать?) —
Покаяться ли в чём, оспорить ли вину?
Тут все уже давно отплакали по детям,
Попутно не забыв пересчитать казну.

...А дети шли с тобой, смеясь и подпевая,
И ветер раздувал огонь сиявших глаз,
И с туч живой водой стекала дождевая,
И мир рождался вновь, как будто в первый раз...

Но латаный кафтан не заменяет латы,
И дудка — не копьё, хоть мельниц и полно...
А дети нынче тут с рожденья глуховаты
И песенки твоей не слышат всё равно.

Я знаю, ты — мой суженый и суший...
 Но то ли Мойры намудрили с пряжей,
 В небесной канцелярии в итогах
 Усталый ангел проглядел описку,
 Сверхновой взрыв сместил планет орбиты,
 У Гесера ли в пальцах дрогнул мел —
 И линии судеб соприкоснулись
 (пока Вершитель притворялся спящим),
 Схлестнулись, как два провода под током,
 От нетерпенья рассыпая искры,
 Но Некто поспешил рвануть рубильник,
 Чтобы пресечь слепую тягу тел.
 А души ещё бились мотыльками
 По разным сторонам обманных окон
 (из одного — в другое Зазеркалье),
 Расплющившись в попытках бесполезных,
 Как губы по вагонному стеклу,
 С улыбкой, вскрытой бритвою Оккама...
 Все девять жизней кошки одинокой
 Я буду ждать, чтоб линии совпали,
 И — вымолю десятую! А если
 Господь не даст — у дьявола куплю...

Колыбельная серому волку

Д.

Время уходит, мимо проходит, катится с горки.
 Кисло от пресного, тошно от сладкого, вязко от горького.
 Спрятались в норы, словно больные старые волки:
 этот в запое, та в карантине, тот на иголке.

Некогда заново, некуда дальше, незачем ближе.
 Толку ли в стенах, если у дома съехала крыша?
 Чёрный квадрат, заколдованный круг, перекрестия кладбищ.
 Боги не дремлют, черти не шутят, волки не плачут.

Трубы трубят — то ли Армагеддона, то ли Армстронга.
 Это не страшно, это не больно, если недолго.
 Поодиночке из нор выползают старые волки —
 и не в вольере, и не на воле, а в самоволке.

Рождественское

Д.

Эта звёздочка из серебристой фольги,
к стеклу окошка прилепленная слюной...
И алкоголь бесполезен, и анальгин
от боли банальной, въевшейся в мозг спинной.

Не будет никем услышан ни плач, ни крик —
в среде без-воз-душной нет звуковой волны.
В стеклянном небе окошка звезда горит,
в небе за окнами нет ни звёзд, ни Луны.

Не утешают слова молитв и стихов,
чтение умных книжек и звуки му...
Одна лишь слюной прилепленная любовь
и светит, и греет сквозь крошечную тьму.

***

Мы говорим на птичьем языке —
почти ничьём, понятном лишь немногим,
споткнувшись на временном пороге,
рассеянным в пространстве и в тоске.

Мы говорим на горьком языке
себя у цели мнивших пилигримов,
когда не Храм, и даже не руины
открылись им, а лишь мираж в песке...

Мы говорим на тёмном языке
халдеев, чернокнижников, изгоев,
по чёткам слов читающих иное —
черты судьбы, грядущей вдалеке.

Мы говорим на мёртвом языке,
и сами — то ли небыль, то ли нежить...
Но как же тонкой жилкой бьётся нежность,
когда прильнёшь к слабеющей строке...

***

Д.

Ну, вот и перевалили за середину зимы,
как за середину подо льдами застывшей реки,
пыхтя, переваливают старые грузовики,
и навстречу им берег другой выползает из тьмы.

Ну, вот и перевалили за середину судьбы...
С треском под нами лопался казавшийся вечным лёд,
колёса крутились впустую — ни назад, ни вперёд, —
и мы шли по льду, и тащили прошлое, как горбы.

Ещё бы перевалить нам за середину чумы,
за середину затмения, за середину войны,
оттаять, вынуть осколки, смыть кровь и дурные сны,
и куст несторевающий увидеть: «Господи, это мы».

***

Из ребра, из бедра, из морской ли, из мыльной ли пены,
Из круженья листа и пера над притихшей Вселенной,
Из дыханья, рыданья, раденья, всенощного бденья —
Наважденье иного рожденья — от тела отдельно.

Из нелепицы шёпота, лепета, трепета, бреда,
Побрякушек, стекляшек, ракушек и рюшек поблеклых,
Из оплывшей свечи, и остывшей печи, и постылой подушки
Зарождается нечто, чтоб жадно и нежно вытягивать душу,
Оставляя внутри пустоту чистоты непорочной...
Только слёзы утри! Первый снег — он молочный, непрочный.
Первый снег — он проходит всегда, как ушиб на коленке,
Без следа, как чужая беда на немой киноленте.